

НЕГАТИВИЗАЦИЯ И КРИМИНАЛЬНАЯ ЭКСПЛУАТАЦИЯ КОНЦЕПТА «МАТЕРИНСТВО» КАК ПРОБЛЕМА ЛИНГВОБЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Работа посвящена концепту «материнство» как объекту лингвобезопасности. Выявляются тенденции негативной трансформации концепта в современной коммуникации, обосновывается необходимость противостояния деструктивным информационным потокам, направленным на его компрометацию и манипулятивную эксплуатацию. Детально анализируются жанры развлекательного и криминального дискурсов.

Ключевые слова: нарративные жанры, мошеннический дискурс, лингвобезопасность, концепт, традиционные ценности.

Концепт «материнство» — один из самых позитивных концептов в российской аксиосфере. Он тесно связан с цивилизационными основами российской государственности и напрямую коррелирует с ценностями, обозначенными в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» [Н-п а. 1: 2]. В качестве таковых в указанном стратегическом документе обозначены следующие ценности: «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [Н-п а. 1: 2].

Отношения концепта «материнство» с указанным спектром ценностей двояки:

- 1) партонимическая связь с ценностью «крепкая семья»;
- 2) ассоциативные связи с ценностями «гуманизм», «милосердие», «приоритет духовного над материальным».

Защита концепта «материнство», противостояние деструктивным информационным потокам, направленным на его дискредитацию в общественном сознании, входят в число задач по обеспечению лингвобезопасности как аспекта национальной безопасности Российской Федерации (о феномене лингвобезопасности см.: [5; 6]).

Анализ различных типов современного дискурса и тенденций его развития [1–3; 4: 63–66] показывает высокую аттрактивность материнства для негативизации и деструктивной эксплуатации. В рамках настоящей статьи мы обратимся к жанрам развлекательного и криминального дискурса, формирующим угрозу материнству как элементу российской аксиосферы.

В процессе построения развлекательного нарратива концепт «мать» профанируется, карнавализуется, меняет оценочный знак. В рамках криминального дискурса оценочный знак остается прежним, однако его позитивная составляющая эксплуатируется в мошеннических целях. Рассмотрим подробнее развлекательный жанр «Я ж мать» и криминальный жанр «Мама, я сбил человека».

Жанр развлекательного нарратива «Я ж мать»

С середины 2010-х годов в интернет-пространстве распространяются повествования бытовой тематики, среди которых можно выделить следующих действующих лиц:

- Мать – источник агрессии и/или нарушитель социальных норм.
- Ребенок – нарушитель социальных норм.
- Повествователь – жертва нарушения или наблюдатель процесса их совершения.

Действие в повествовании обычно происходит в общественных местах (парки, магазины, детские площадки и пр.) или местах общего пользования (подъезды, общие коридоры и пр.).

Рассмотрим на примерах (пунктуация сохранена):

1. «<...> Она зашла с коляской, пузом и детенышем, лет трех, на орбите, который мгновенно начал беспредельничать. Хватал игрушки, бросал на пол, бегал, громко визжал и ! угнал! самокат... Мама данного чада не обращала на него ни малейшего внимания. На просьбу утихомирить ребенка громко кричала, что я разбужу ее ляльку, и вообще, шла бы я со своими советами. На протяжении почти всего пребывания в магазине она торчала в телефоне. <...> Андрюша, который лихо рассекал по магазину на угнанном самокате, сшиб с полки раскраски-копилки и прокатился лицом по кафельному полу. Визги, слезы, копилки в смятку. Маманя доблестно бросилась утешать свое, до этого момента неинтересное, чадо. Коляска осталась стоять у кассы. Когда этот маленький свинтус успокоился, мамаша переключилась на меня. Какого черта я не смотрела за ее ангелочком и как я могла такое допустить. Все это было сдобрено сочными ругательствами и оскорблениями. <...>» [И. 3].

В данной истории мать (М) заходит в магазин игрушек, а один из ее детей начинает вести себя неприемлемым образом. Женщина-кассир, она же – повествователь (П), просит мать обратить на это внимание, однако та не реагирует, поэтому ребенок (Р) продолжает нарушать общественный порядок. Избежать ситуации или повлиять на нее П не может, потому становится ее заложником, а в дальнейшем – прямым участником конфликта и его жертвой: вину за собственное равнодушие к поведению Р и результат его действий М перекладывает на П.

2. *«Зашли с дочкой в туалет в парке развлечений. Кабинки, никакой очереди, три раковины. Стоим с дочкой (ей 3 года), моем руки. К третьей раковине подходит девушка, моет руки и спрашивает у своей дочки хочет ли та в туалет, малая кивает (девочке около двух лет). И тут мама снимает с нее трусики и поднимает над раковиной чтоб ребенок [справил нужду]. <...>» [И. 4].*

В данной истории М совершает антисоциальный поступок совместно с Р, в то время как П является вынужденным свидетелем.

3. *«<...> Сидим с доктором, никого не трогаем. Занимаемся своими делами. Тут открывается дверь и заходит девушка с ребенком, примерно 3–4 лет. Мельком взглянуть на нас, она сажает ребенка на стул и начинает его раздевать. Доктор молчит. Я смотрю на все это и говорю, что детской комнаты тут временно нет и что в этом помещении делают прививки. Девушка наконец-то обращает на меня внимание и говорит: “ну займите ее чем-нибудь...” Очень внимательно смотрю на девушку и говорю: “могу дать ей в руки шприц...” <...>» [И. 5].*

В этой истории М игнорирует замечания медперсонала, является источником агрессии и антисоциального поведения. Р, в свою очередь, подчиняется поведенческой норме М, а П отстаивает границы дозволенного и пытается пресечь антисоциальный акт.

Обилие подобных повествований позволяет нам вычленить не только стереотипизированных персонажей, но и новые нарративные формулы:

- Р совершает антисоциальный поступок при П, М оправдывает Р уникальным детским статусом и собственным статусом матери, дающим право на оценку поступка только ей.
- М совершает антисоциальный поступок в присутствии П и оправдывает его своим уникальным положением.
- М совершает деструктивный поступок по отношению к Р и оправдывает его тем же уникальным положением.

Повествования подобного содержания набирают большую популярность среди пользователей социальных сетей и вызывают бурный отклик: в комментариях они обычно делятся своим опытом аналогичных контактов и поддерживают П.

Жанр мошеннического дискурса «Мама, я сбил человека»

Развитие технологизированных коммуникативных средств и распространение мошеннических схем, использующих данные средства, привело к появлению нарратива с побудительной основой: мать-защитница должна немедленно оказать финансовую помощь ребенку, попавшему в беду. В интернет-пространстве появляются повествования о случаях совершения мошенничества, в которых мошенник вступает в контакт с потенциальной жертвой и оказывает на нее давление посредством эксплуатации образа близкого ей человека. Основными действующими лицами повествований являются:

- Мать (потенциальная жертва, на которую направлено воздействие) – источник защиты и помощи.
- Сын или дочь (первое ролевое воплощение мошенника) – нарушитель закона, требующий разрешить конфликт/проблему.
- Представитель правоохранительных органов (второе ролевое воплощение мошенника) – человек, который готов разрешить проблему коррупционным путем.

Рассмотрим на примерах:

1. *«Плачущий голос заявил моей маме, что это ее сын, что он только что сбил женщину, что находится в полиции. Попросил поговорить со следователем»* [И. 7].

2. *«Мамочка, я в беде: попала в аварию, лежу с пробитой головой и сломанной ногой в реанимации...я сбита девушку, и чтобы меня не посадили из-за ее гибели, срочно нужны деньги на операцию. Стоит отдать мошенникам должное – отыграли они бесподобно. Чтобы “жертва” не поняла, что разговаривает не со всей дочерью, реплики сопровождалась пронзительными всхлипываниями и душераздирающими “мамочка, мне страшно”. С заднего плана доносился шум больничной толпы, а диалог периодически прерывался “лагами” сотовой связи»* [И. 1].

3. *«Сижу дома, звонок по телефону, и в трубку кричит женский голос: “Мамочка, помоги, спаси, я попала в аварию, у меня разбито лицо”. У меня шок, треск в трубке, и я не могу разобрать голоса, я спрашиваю: “Кто это?” И мне опять повторяют все то же самое. Я понимаю, что этого голоса я не знаю. Говорю: “Вы ошиблись”. Положила трубку»* [И. 6].

4. *«Женщина поведала, что ее на домашний телефон позвонил неизвестный мужчина, который представился следователем. Он сказал, что ее дочь якобы попала в ДТП – она переходила дорогу в неположенном месте и была сбита. Чтобы избежать ответственности, нужны деньги. В это время на заднем плане женский голос крикнул: “Мама помоги мне, этот следователь хороший. Он нам поможет”»* [2].

Все описываемые ситуации происходят в ходе опосредованной коммуникации. С неизвестного номера жертве поступает звонок. Звонит либо мошенник

в роли ребенка, совершившего ДТП, либо мошенник в роли представителя правоохранительных органов с сообщением о том, что ребенок жертвы попал в ДТП. Мошенники всегда работают в группе: в ходе коммуникации один из них выступает сначала с позиции ребенка, а другой – с позиции представителя органов власти, готового нарушить закон для спасения ребенка. Во всех случаях мошенник-ребенок просит помощи у матери-защитницы, используя эмоционально-окрашенную лексику (*Этот следователь хороший! Помоги! Спаси!*), уменьшительно-ласкательные формы слова «мать» – «мамочка», мошенник-полицейский же готов войти в положение родительницы, если она готова заплатить.

Обратим внимание на то, что мошенники создают заведомо тягостную обстановку: «ребенок» плачет, кричит, периодически вставляет в повествование ужасающую деталь о «травме». Таким образом преступники обращаются к желанию матери защитить ребенка любой ценой, провоцируют страх потенциальной жертвы и пытаются лишить возможности адекватно оценить ситуацию.

На основании данных примеров мы можем вывести нарративные формулы, характерные для данных повествований:

- Преступник в роли ребенка сообщает о том, что стал виновником аварии, и просит денег у матери, чтобы передать их представителю органов власти и таким образом разрешить проблему с законом.
- Преступник в роли представителя органов власти обещает помочь избежать наказания ребенку жертвы, виновному в ДТП, за деньги.

Выводы

1. Концепт «материнство» продолжает активно развиваться в современной лингвокультуре, в том числе путем экспансии в новые дискурсы и жанры.
2. Оценочная трансформация (негативизация) концепта обеспечивает его развлекательную аттрактивность в рамках жанра «Я ж мать».
3. Сохранение высокой позитивности концепта детерминирует его интенсивную эксплуатацию в криминальном дискурсе как инструмента мошеннического воздействия (жанр «Мама, я сбил человека»).
4. Названные жанры формируют коммуникативную угрозу интересам российского социума, противоречат государственной политике Российской Федерации в сфере аксиологии и требуют системного противодействия.

Нормативно-правовые акты

1. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Литература

1. Аблеев С.Р., Кузьминская С.И. Язык и ценности массовой культуры // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 2. – С. 14–17.

2. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Тенденции развития современного дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2021. – № 1. – С. 14–31.

3. Карасик В.И., Красавский Н.А., Слышкин Г.Г. Лингвоконцептология. – Волгоград, 2014.

4. Милованова М.С. Современное русское аксиологическое сознание и актуальные тенденции в языке // Педагогическое образование и наука. – 2019. – № 1. – С. 63–66.

5. Слышкин Г.Г., Малыгина Л.Е., Павлова Е.С., Яцзяо С. Лингвобезопасность. Антивакцинаторство как коммуникативная угроза: языковые механизмы манипуляции сознанием // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2022. – Т. 11. – № 5. – С. 81–84.

6. Слышкин Г.Г., Малыгина Л.Е., Павлова Е.С. Лингвобезопасность в аспекте ценностных, идеологических и социальных изменений // Верхневолжский филологический вестник. – 2022. – Т. 1 (28). – С. 64–69.

Источники

1. Автовзгляд. Мама, я умер: старый способ обмана родственников водителей получил новую жизнь [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: <https://www.avtovzglyad.ru/obshchestvo/socium/2022-01-21-mama-ja-umer-zhutkij-razvod-na-dengi-rodstvennikov-voditelej/?ysclid=I9vm9q1cry608914020> (дата обращения: 15.10.2022)

2. Московский комсомолец. В Иркутске задержали девушку, собиравшую деньги с обманутых пенсионеров [Электронный ресурс]. – 2022. – URL: <https://baikal.mk.ru/incident/2022/12/31/v-irkutske-zaderzhali-devushku-sobiravshuyu-dengi-s-obmanutykh-pensionerov.html> (дата обращения: 14.10.2022)

3. Пикабу. Я рожаю, чтобы в Египет поехать! [Электронный ресурс]. – 2019. – URL: https://pikabu.ru/story/ya_rozhayu_chtobyi_v_egipet_poekhat_6082248 (дата обращения: 16.10.2022)

4. Пикабу. Рождение грязнули [Электронный ресурс]. – 2016. – URL: https://pikabu.ru/story/rozhdenie_gryaznuli_4433166 (дата обращения: 16.10.2022)

5. Пикабу. Моя прививочная компания... [Электронный ресурс]. – 2017. – URL: https://pikabu.ru/story/moya_privivochnaya_kompaniya_5464546 (дата обращения: 14.10.2022)

6. CTV.by. Мамочка, помоги, спаси, я попала в аварию. История женщины, которая не поверила мошенникам [Электронный ресурс]. – 2022. – URL: <https://ctv.by/mamochka-pomogi-spasi-ya-popala-v-avariyu-istoriya-zhenshchiny-kotoraya-ne-poverila-moshennikam?ysclid=I9vкупw72s864394361> (дата обращения: 15.10.2022)

7. Lifejournal [Электронный ресурс]. – 2015. – URL: <https://athunder.livejournal.com/420129.html?ysclid=I9vlzdd61c302192401> (дата обращения: 14.10.2022)

Abstract. The article deals with the concept of “motherhood” as an object of linguistic security. The tendencies of the negative transformation of the concept in modern communication are revealed, the necessity of the resisting destructive information flows aimed at its compromise and manipulative exploitation is substantiated. The genres of entertaining and criminal discourses are analysed in detail.

Keywords: narrative genres, fraudulent discourse, linguistic security, concept, traditional values.